

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008(091)

С. А. Песьяков

Имидж «третьей силы» в политической деятельности Псковской церкви в XIV в.

В статье рассматривается роль Псковской церкви во внешней политике суверенного Псковского княжества на фоне общерусских политических процессов XIV в. Анализируются противоречивые взаимоотношения церковно-административной структуры с псковскими властными органами, Великим Новгородом, Московским и Тверским княжествами, а также с Золотой Ордой и Великим Княжеством Литовским. На основе исторических событий, произошедших в 30-х гг. XIV в., задается вопрос о существовании собственных интересов и самостоятельной политической деятельности псковских церковных структур. Предпринимается попытка рассмотреть и вывести основные закономерности, касающиеся специфических особенностей русской церковно-административной иерархии и относящиеся к сложным отношениям псковского священноначалия и московской митрополии, а также показать на историческом примере, как подобная система отражалась на политике Пскова. Дается определение термина «третья сила» в контексте политического имиджа Псковской церкви в период русской феодальной раздробленности (XII–XV вв.) Ответы на эти и другие вопросы являются важными для понимания того, что определяет динамические (как интеграционные, так и энтропийные) процессы, происходящие в России на всем протяжении истории этого государства.

Ключевые слова: история России, история Русской православной церкви, эпоха феодальной раздробленности, имидж, Псков, церковь, внешняя политика, церковная иерархия.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

S. A. Pesiakov

Image of «the Third Force» in Political Activity of the Pskov Church in the XIV century

This research article investigates the role of the Pskov church in the foreign policy of the sovereign principality of Pskov on the background of the all-Russian political processes in the XIV century. It analyzes the contradictory relationship of the church-administrative structure with Pskov authorities, Novgorod The Great, Moscow and Tver principalities, the Golden Horde and the Grand Duchy of Lithuania. Being based on the historical events that occurred in the 30-s. XIV century, the question is asked about the existence of their own interests and independent political activity of the Pskov church structures. An attempt is made to review and discover the basic laws relating to specific features of Russian church-administrative hierarchy and related to complex relationships and the hierarchy of the Pskov Metropolitan and Moscow, as well as to show on the historic example of how such a system is reflected in the Pskov policy. The definition of the term «third force» in the context of the political image of the Pskov church during the Russian feudal fragmentation (XII–XV centuries) is given. The answers to these and other questions are important to understand what determines the dynamic (integration and entropy) processes in Russia throughout the history of this land.

Keywords: history of Russia, history of the Russian Orthodox Church, Feudal Fragmentation, image, principality of Pskov, church, foreign policy, church hierarchy.

В статье мы попытаемся проанализировать место церковных структур в системе отношений Псковского княжества с Новгородом, Москвой и Тверью на примере событий 20–30-х гг. XIV в. Отвечая на вопросы «Чьи интересы лежали в основе политики церковных иерархов Пскова?» и «Каким политическим имиджем обладала Псковская епархия», можно постараться внести некоторую ясность в вопрос мотивов участия в госу-

дарственной интеграции на примере религиозных организаций вообще. Кроме того, необходимо понять, имела ли Церковь свою позицию: если – да, то было ли у нее решающее слово или же ее позиция учитывалась в последнюю очередь? Существовали противоречия церковно-административной структуры с псковскими властными органами или речь может идти о некоем союзе, основанном на компромиссе, заклю-

ченном между псковскими светскими и церковными властями, преследующими одни и те же цели?

Имидж автор понимает как целенаправленно сформированный образ субъекта, выделяющий определенные искусственные ценностные характеристики и ставящий перед собой цель закрепитесь в пространстве (сознании) объекта. Русская православная церковь, выступая в качестве такого субъекта, с момента возникновения, с одной стороны, стремилась создать и укрепить свой образ в качестве духовной власти и высшего морального авторитета, а с другой – участвовала во всех, без исключения, политических процессах на Руси в качестве участника большей или меньшей степени самостоятельности.

Особый интерес вызывает следующий аспект, относящийся к вопросу русской церковной «субординации» того времени: совпадали ли интересы и, соответственно, способы решения политических задач местного псковского священноначалия и московской митрополии? Имелись ли между ними противоречия? В какой степени особенности церковной структуры во Пскове отражались на его политике? Этот круг вопросов мы постараемся осветить в данном очерке. Конечно, ими не ограничивается весь круг сложнейших проблем, относящихся к церковному фактору в процессе централизации и объединения Русских земель. Однако попытки ответить на эти вопросы представляются достаточно важными для понимания того, что определяет динамические (как интеграционные, так и энтропийные) процессы, происходящие в России на всем протяжении ее истории.

Псковское княжество всегда стояло особняком и играло особую роль в истории Российского государства. Уже с IX в. этот город принимал непосредственное участие в культурном и военно-политическом диалоге с североевропейским регионом сначала как часть Новгородского княжества, а затем – как самостоятельное, суверенное государственное образование. В течение нескольких столетий главной целью Пскова было достижение независимости от своего «старшего брата» Новгорода; эта цель определяла многие векторы политики Псковской земли как внутри Руси, так и по отношению к западным соседям – Литовскому княжеству, Ливонскому Ордену и Шведскому королевству. Фактическая независимость Псковом была обретена в XIII в., однако юридически она была закреплена лишь в первой половине XIV в. Не случайно именно этот отрезок

времени (первая половина XIV столетия) вызывает к жизни особенно сложные вопросы, встающих перед исследователем Псковского княжества. Помимо традиционно объемных и сложных, с точки зрения анализа, мотиваций разных претендентов на лидерское место в интеграции Русских земель, немаловажным можно считать и вопрос с определением роли в этом процессе Северо-Западных княжеств, в том числе – Пскова. Последний в XIV в. особенно активно вмешивается в общерусские политические споры. Речь идет о централизации и объединении Руси, где на роль организующего начала претендовали несколько княжеств.

Центральной среди интересующих нас проблем становится изучение места псковских церковных структур в политическом диалоге Пскова с Новгородом, Москвой, Тверью и Литвой, также претендующей на главенствующую роль в этом процессе. В этой сложно развивающейся системе взаимоотношений Псков, выступая на стороне тех или иных региональных лидеров, руководствовался многими факторами – экономическими, военно-политическими и религиозно-административными. В число последних входят малоизученные факты влияния Церкви на действия Пскова в условиях политической борьбы Московского и Тверского княжеств в первой половине XIV в.

Отношение псковской церкви к тем или иным направлениям политики псковского княжества определялось специфическими особенностями ее структуры. На такое положение дел оказал влияние тот факт, что Псков столетиями добивался формальной политической независимости от Новгородского княжества, обретая ее окончательно лишь в 1347 г. по факту заключения Болотовского договора. Таким образом, вплоть до присоединения к Русскому централизованному государству в 1510 г., Псков оставался независимым государственным образованием.

Прежняя зависимость Пскова от Новгорода предполагала не только политический аспект в виде посылки из Новгорода наместников, но и церковный, так как Псков входил в архиепископство Новгородское. По словам историка А. И. Никитского, «непрерывные изменения, которым подвергалась древнерусская политическая организация, не позволяют ожидать, чтобы постоянно сохранялось полное соответствие между церковным обществом и обществом гражданским, чтобы церковное разделение на епархии не становилось в противоречие с политическим раз-

делением на земли и княжества» [2, с. 18]. Таким образом, вслед за именитым ученым, мы можем исходить из положения, что ситуация с политическими и церковными институтами Пскова развивалась синхронно: суверенная церковь становилась символом политической независимости.

Суть церковной зависимости состояла в том, что в Псков из Новгорода посылался «владычный наместник», назначаемый новгородским архиепископом из числа так называемого «софийского воинства», а псковское духовенство, в свою очередь, обязано было регулярно отправляться в Новгород «на суд». Парадокс подобных взаимоотношений состоял в том, что «владычники» не были представителями духовенства, а принадлежали ко вполне светским (причем, новгородским) кругам. В их функции входили фискальный надзор за доходом с принадлежащей архиепископу собственности («земли» и «воды») в Пскове и окрестностях, а также контроль за исполнением псковским духовенством обязанностей. Однако основной задачей их деятельности было исполнение судебных обязанностей, причем в юрисдикцию владычника входили не только разбор конфликтных ситуаций, связанных с христианским вероучением и церковной дисциплиной, но и смешанные дела: брак, семья и даже наследование. Понятно, что такое вмешательство новгородцев в фактический суверенитет города, достигнутый к началу XIV в., не устраивало псковичей. Как писал один из наиболее кропотливых исследователей псковской церкви митрополит Евгений (Болховитинов), «пока Псков был в согласии с Новгородом, или, лучше сказать, почти в полной от него зависимости по правлению своему, то и Псковская церковь пользовалась всеми теми преимуществами и свободой, какими Новгородская: но когда с XIII в. Псковичи начали принимать к себе на княжение не из Новгородских князей, а из посторонних, и с Новгородцами завели раздоры; то Духовенство Псковское и миряне по Духовным делам часто чувствовали от Новгородских Архиепископов и их Наместников принуждение и отягощение» [1, с. 19–20].

По словам Никитского, в этом перманентно развивающемся конфликте, закончившемся только после Болотовского договора 1347 г., псковские политические группировки пытались добиться большего влияния именно местного клира [2]. С этой целью они пытались давить на новгородского архиепископа как через московского митрополита, так и путем диалога с Литвой. По-

следняя, что показали изыскания Никитского, демонстрировала готовность стать посредником в деле основания независимой епископской кафедры в Пскове. С учетом живого интереса, который проявляли литовские князья по отношению к псковским владениям, такая ситуация очень активно «подогревала» конфликт. В конце концов, Новгород, чтобы «не потерять все», пошел на уступки: согласно Болотовскому договору, отныне владычником становился только житель Пскова, а визиты новгородского архиепископа в Псковское княжество ограничивались строго и сугубо формально богослужебными церемониями. Таким образом, владычник, бывший ранее «оком» новгородского архиепископа и правящей в Новгороде боярской группировки, становился все менее и менее подконтролен Новгороду, а судя по текстам договоров между Псковом и другими русскими землями, где он практически не упоминается в списках посольств, статус его существенно упал.

Необходимо остановиться на интересной и специфической особенности церковной структуры во Пскове. Светское происхождение владычника, а также почти постоянное отсутствие новгородского архиепископа, привело, по мнению Никитского, к «коллективному возвышению псковского духовенства и образовало из Псковской Церкви полную противоположность Новгородской», а именно: в отличие от Великого Новгорода, где роль низшего и среднего духовенства почти не просматривается в управлении городом и церковью, в Псковской земле именно эти слои выступают на первый план, примеряя на себя властные полномочия новгородского иерарха. Формула подобной власти нередко встречается в летописных источниках Пскова и звучит как «все Божье священство и весь Псков». Инструментом своеобразного демократизма церковного управления становились регулярно собираемые Церковные соборы, обсуждавшие вопросы религиозно-административного диалога с Новгородом и другими Русскими землями. Не без оснований можно предполагать, что на них обсуждались и политические проблемы: таким образом, выстраивалась единая позиция «церковников» по отношению к тем или иным решениям псковских властей.

Вопрос о политических интересах, господствовавших в церковных кругах Псковского княжества в первой половине XIV в., лежит и в плоскости событий, происходивших в тот момент на Руси. С конца XIII в. в Северо-Восточных землях начинает разгораться жесткая конкурент-

ная борьба между Московским и Тверским княжествами. В эту борьбу постепенно вовлекаются все политические силы раздробленного Древнерусского государства. Положение усугубляет политическая активность Золотой Орды, удачно пользовавшейся универсальным политическим принципом «разделяй и властвуй» и пытавшейся любыми способами предотвратить появление мощного центра сопротивления на подвластных ей русских территориях.

Основные вопросы, которые встают при анализе этого периода, относятся к проблематике не только конкретных интересов псковского клира, но и к соотношению их с интересами псковских боярских и купеческих верхушек.

В 1319 году, после казни Михаила Тверского, Юрий Московский получает ярлык на великое княжение. Однако вскоре Узбек передает его тверскому князю Дмитрию Грозные Очи, из-за чего Юрию приходится бежать во Псков в 1323 г., который принимает московского князя, но в военной помощи ему отказывает [3, с. 184]. Таким образом, псковичи ввязываются в масштабную политическую борьбу двух самых могущественных княжеств Руси, однако явно на данный момент не поддерживают ни Москву, ни Тверь. Юрий отправляется в Орду, где в 1325 г. гибнет. Хан Узбек, решая спровоцировать конфликт между новым поколением тверских и московских князей, приказывает казнить уже самого Дмитрия и передает ярлык его брату Александру Михайловичу, прекрасно понимая, что московский князь Иван Данилович по прозвищу «Калита» не станет мириться с подобным ходом дел.

В 1327 г. Тверь разоряют татары при участии войск Калиты, а вчерашний великий князь Александр бежит во Псков. Псковичи дают убежище тверскому «аутсайдеру» и даже организуют ему торжественную встречу и объявляют своим князем. Скорее всего, подобное отношение к изгнаннику объясняется его родственными связями с литовскими князьями, которые на тот момент были крайне важны для Пскова в качестве союзников против Ливонского Ордена и Новгорода. Послы великого князя в лице архиепископа Моисея и тысяцкого Авраама прибывают во Псков и требуют от Александра явиться на суд к хану. Однако псковичи отказываются выдать нашедшего у них прибежище изгнанника, и лишь в 1329 г., под угрозой проклятия со стороны митрополита Феогноста и военной интервенции Калиты, отпускают (выдворяют?) Александра в Литву. Подобное решение удовлетворило все

стороны, и конфликт на некоторое время был улажен, чтобы вновь начаться в 1330 г., когда Александр снова возвращается во Псков, заручившись поддержкой литовского князя Гедимина [3, с. 185–186].

В этой истории особенно интересным выглядит поведение Псковской церкви. У псковского духовенства всегда было особое отношение к митрополитам владимирским, а потом – и московским. Именно к высшему на Руси церковному чину посылались жалобы на новгородского владыку; в нем видели заступника от архиепископского произвола. После 1330 г., когда Александр Михайлович вернулся в Псков из Литвы, псковский клир не оставляет попытки уговорить митрополита Феогноста посвятить некоего Арсения в епископство, то есть признать независимую от Новгорода новую, уже псковскую, епархию. Если следовать данной политике клира, духовенство Пскова могло быть заинтересовано в своем варианте решения дела о высылке тверского князя в пользу митрополита, а значит – Ивана Калиты, противоречащем решению псковской правящей партии. Последняя видела, в свою очередь, именно в Александре (и стоящем за ним Гедимине) шанс избавиться от новгородского влияния.

Тем временем находящийся во Пскове Александр Михайлович готовит возвращение в Тверь. В 1336 г. хан Узбек разрешает Александру вернуться в свое наследственное княжество, тем самым провоцируя очередное разгорание затянувшегося конфликта с Москвой. Тверской князь покидает Псков в 1338 г. и вскоре погибает в Орде вместе с сыном Федором [3, с. 186]. Однако, благодаря его влиянию, политическая линия Пскова на сближение с Литвой все более проявляется, а окончательный разрыв с Новгородом становится делом ближайших лет.

Подведем некоторые итоги. Фундамент, на котором зиждились те или иные политические мотивы псковского духовенства, основывался на специфической церковной организации Псковского княжества и проистекающем из нее стремлении приобрести самостоятельный, епископальный статус. В церковной структуре Пскова времен его политической самостоятельности имеют место следующие особенности: вопросы церковного и политического характера решались коллегиально, путем организации Церковных Соборов; большую или меньшую роль в церковной жизни города в разные годы играли новгородские архиепископы, чья позиция зачастую противоречила мнению псковского клира. Нельзя

игнорировать и приграничное положение Пскова, которое определяло не только значительную военно-политическую и экономическую активность его жителей, но и позволяло княжеству находиться в центре культурно-религиозных и идеологических волнений среди европейских народов периода позднего Средневековья и эпохи Возрождения. Речь идет о регулярно отмечаемых летописцами ересь, проникающих в Псковскую землю из Литвы и Ливонии (например, «ересь стригольников» в конце XIV в. и «жидовствующих» в XV в.), которые также не могли не оказывать какого-либо влияния на проблемы традиционной церковной структуры.

Роль псковской церкви в этих событиях довольно противоречива. Можно высказать гипотезу о промосковской ориентации псковского клира, которая, однако, нуждается в дополнительной «подпитке» источниками. С одной стороны, мы видим сопротивление власти новгородского архиепископа, который традиционно выступал защителем интересов правящей боярской и купеческой верхушки Новгорода Великого. С другой стороны, псковское духовенство, в силу необходимости противостоять давлению со стороны новгородцев, последовательно поддерживало владимирского, затем московского митрополита (а также стоящих за ними московских князей), а в ходе конфликта Москвы и Твери в первой половине XIV в. и вовсе противопоставляло свои интересы политике псковской правящей группы, ориентированной в тот момент на Тверь и Литву. Среди

прочего, косвенно подтверждает эту линию поведения взгляд на священнослужителей как отдельную социальную и региональную политическую группу, обладающую своими институциональными интересами и целями, а главное – четким и самостоятельным имиджем «третьей силы», который позволял успешно лавировать между центрами политических сил той эпохи.

Библиографический список

1. митр. Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Типография Киево-Печерской Лавры. Часть III. – Киев, 1831.
2. Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Пскове. Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб., часть CLV. – СПб., 1871.
3. Полное собрание Русских летописей, изданное по Высочайшему Повелению Археографической комиссией. Том четвертый «Новгородские и Псковские летописи». – СПб., 1848.

Bibliograficheskiy spisok

1. mitr. Evgenij (Bolhovitinov). Istorija knjazhestva Pskovskogo s prisovokupleniem plana goroda Pskova. Tipografija Kievo-Pecherskoj Lavry. Chast' III. – Kiev, 1831.
2. Nikitskij A. I. Oчерk vnutrennej istorii cerkvi v Pskove. Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija. – SPb., chast' CLV. – SPb., 1871.
3. Polnoe sobranie Russkih letopisej, izdannoe po Vysochajshemu Povelenuju Arheograficheskoj komissiej. Tom chetvertyj «Novgorodskie i Pskovskie letopisi». – SPb., 1848.